

ИЗМЕНЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ (ЭТНИЧЕСКОМ)
САМОСОЗНАНИИ (ВИДЕНТИЧНОСТИС)
НАРОДОВ ПОРУБЕЖЬЯ (ВФРОНТИРАС)
В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ РОССИЙСКИХ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ВЛАДЕНИЙ В XIX В.

Подъем национализма после окончания вхолодной войныс и рост движений, основанных на возрождении конфликтующих религиозных течений, вызвали значительное усиление интереса исследователей к изучению проблем образования наций и национального самосознания, а так же - к выявлению причин и возможных последствий этих процессов в современном бурноизменяющемся мире. Среди наиболее значительных исследований такой направленности выделяются труды Эрнста Гельнера, Бенедикта Андерсона, Мирослава Хроча и Е.Дж. Хобсбаума.

После распада СССР и образования СНГ, в независимых государствах, сформировавшихся на территории бывших союзных республик Средней Азии, начались сложные процессы создания национальных государств, вызывающие значительный интерес к проблемам истории формирования национального самосознания тюркоязычных мусульман, составляющих большинство населения этих стран а также — влиянию колониального роста Российской империи на представления об видентичностис русских. За последнее десятилетие двадцатого века был выпущен и переиздан целый ряд работ, посвященных этим актуальным проблемам. В качестве отдельных примеров могут названы публикации Э.Б. Пакской, Даниэля Ранкур-Лаферье, князя Николая Сергеевича Трубецкого (с предисловием Вячеслава Иванова), Ширина Акинера, Роберта Чадуэлла Уильямса, Эвы М. Томпсон, Кати Е. Хокансон, а также сборники исследований, посвященные врусско-стис, и российским подданным империи, нации и культуре периода вЗолотого Векас. В подавляющем большинстве таких публикаций основной акцент делается на анализе процессов становления имперского самосознания русских в русле построения картины исторической предначертанности распространения российских владений в Центральной Азии для выполнения ввысокой миссиис западного просвещения внецивилизированных мусульманских народов этих, практически неизвестных в Европе регионов. Много внимания уделяется также искусственно насаждавшемуся в советское время разделению куль-

турного наследия этих народов для отрицания единого тюркоидного начала и значения Ислама, как цивилизационной детерминанты в их развитии.

В настоящем исследовании автор рассматривает несколько более узкий аспект проблемы, а именно — изменения национального самосознания в процессе непосредственного контакта и последующего совместного сосуществования русских и колонизируемых ими народов Центральной Азии. Следует подчеркнуть, что мы имеем ввиду не то самосознание, которое выражалось в суждениях представителей элит соответствующих народов, а более вприземленные представления о принадлежности к тому или иному народу и культуре непосредственных участников колонизации (казаков, торговцев, русских переселенцев, миссионеров и т.д.) и включенных в многонациональный состав империи центральноазиатских народов. Русские шли в Центральную Азию с изначальным сознанием своего превосходства над дикими народами, населявшими этот регион с древних времен. Воспоминания участников военных и исследовательских экспедиций полны рассуждений на эту тему, порожденных совершенно определенным, если можно так выразиться, колониальным менталитетом российских офицеров и солдат, осуществлявших расширение территориальных владений империи. Ярким примером декларации подобного рода является приказ по войскам Оренбургского корпуса, который издал генерал-губернатор Оренбургского края, генерал-адъютант Василий Алексеевич Перовский, лично командовавший закончившейся полной неудачей и громадными потерями зимней экспедицией 1839 года против Хивинского ханства: По Высочайшему Государя Императора повелению, я иду с частью вверенных мне войск на Хиву.

Долго уже Хива искушала долготерпение сильной и великодушной державы и заслужила наконец вероломными, неприязненными поступками своими грозу, которую сама на себя накликала. Честь и слава всем, кому Бог привел идти по повелению Государя, на выручку братьев, томящихся в неволе. Товарищи! нас ожидают стужа и бураны и все неизбежные трудности дальнего, степного и зимнего похода; но забота о всем необходимом, по возможности, предупредили крайности и недостатки, а рвение ваше, усердие и мужество довершат успех и победу. Войска Оренбургского корпуса в первый раз выступают в значительном составе против неприятеля; Россия в первый раз карает Хиву, эту дерзкую и вероломную соседку. Через два месяца, даст Бог будем в Хиве, и в первый раз в столице ханства пред крестом и Евангелием Русские будут приносить теплые и громкие молитвы за Царя и отечество.

Обращаюсь к той части войск, которая останется для охранения Оренбургского пограничного края и родины своей. Вам не судило счастье делить с нами труды и опасности; но вы не менее того заслужите добрую славу и милостивое внимание Государя Императо-

ра: всякий чин малый и великий, простившись с ушедшими в поход товарищами, будет свято помнить долг и присягу, будет нести службу за себя и за походных, и, в свое время, радостным братским приветствием, встретит возвратившихся из дальнего и трудного странствия сослуживцев своих. В цитированном приказе четко изложена идеология русского колониализма в Центральной Азии и противопоставлена вдолготерпеливая, сильная и великодушная православная Россия вдерзкой и вероломной соседке мусульманской Хиве, содержащей в неволе братьев-христиан. Не смотря на трагический исход экспедиции, все последующие действия российских властей практически осуществлялись под флагом идеологии, провозглашенной ее начальником.

В качестве более позднего примера выражения русского колониального менталитета можно привести следующую характеристику туркмен Прикаспия и рекомендации по образу действий российских властей для их вумиротворения начальником Экспедиции, снаряженной для обозрения восточного берега Каспийского моря в 1859 году, оберквартирмейстером отдельного Оренбургского корпуса, полковником генерального штаба В.Д. Данвилем: Не признавая никакой власти и не теснимые ни откуда, эти дикари не внимают никаким убеждениям и вполне предаются страсти своей к грабегам и воровству. Каждый Туркменин побогаче и побойчее называет себя ханом, и уже никого знать не хочет. При этом Туркмены не чужды хитрости: вне влияния страха, они способны все без исключения, на самое дерзкое коварство и измену. Если правительство желает иметь влияние на Туркмен, для каких бы то ни было целей, то можно держать их в повиновении постоянным страхом наказания за малейшую дерзость. При этом конечно одна решительная мера, предпринятая с достаточными средствами, будет действительнее, нежели отдельные наказания, попытки с малыми силами, в разных местах и с недостаточными средствами. Гнездо туркменских мошенников — Атрек; тут же сосредоточены все средства к их существованию: самые обильные пашни находятся на Атреке, Балханские горы дают также притон нескольким аулам хищников, живущих грабежом.. Следует заметить, что при всей резкости и необъективности приведенных суждений одна бесспорная особенность центральноазиатских ханств и кочевников в них отмечена вполне справедливо. Мы имеем ввиду многовековую практику рабовладения и работорговли, существовавшую в этих районах. Формирование русского фронта здесь вполне естественно привело к тому, что в числе захваченных при разных обстоятельствах рабов оказывались русские солдаты, казаки и поселенцы. Некоторая часть этих пленников оставалась на долгие годы во власти центральноазиатских правителей, причем многие из них ценились как солдаты и использовались в войсках. Русские пленники изучали местные языки, создавали семьи, принимали иногда мусульманство и, практически полностью включались в иную этниче-

скую среду. По мере расширения российских владений такие пленники нередко возвращались на родину, создавая слой русского населения приграничья с существенно измененным национальным самосознанием. Количество, возвращаемых из неволи пленных иногда было весьма значительным, так, например, только в 1840 году из Хивы было отпущено около 500 русских. Естественно, что в среде освобожденных пленных, несмотря на возвращение, как правило к христианству, не могло не проявляться влияние долгих лет жизни в иной культурно-этнической и языковой среде. Присутствие этих вперемещенных лиц в населении российского центральноазиатского фронта создавало определенные предпосылки для облегчения формирования смешанного населения.

К концу 18 — началу 19 века, наиболее многочисленным кочевым народом Центральной Азии были казахи. Кочевники-животноводы с патриархальным обществом, они занимали территории от степных районов Сибири до Сыр-дарьи на юге. Казахи являясь тюркским народом с примесью монголоидной крови. Их предки принадлежали к тем многим тюркским племенам, которые были завоеваны ордами Чингиз-Хана, а впоследствии составили значительную часть этих полчищ, продвигавшихся далее на запад. После развала монгольской империи в 15 веке, степные кочевники, входившие в ее состав, образовали новые объединения и получили с того времени общее название казахов, что в тюркских языках означало вбеженцы или вразбойникис. В России они долгое время назывались киргизами, которые на самом деле принадлежали к другой группе кочевых народов. Такое неправильное этническое наименование изначально произошло из-за стремления русских избежать путаницы в названиях, в связи с тем, что казаками именовались люди, преимущественно славянского происхождения, селившиеся в российском южном приграничье и в Сибири, начиная приблизительно с 15 столетия. Оба термина — казак и казах — имеют в своей основе одно и тоже тюркское слово, и в дореволюционной России они даже писались одинаково. Для избежания дальнейшей путаницы, с 1920-х годов народы, называвшиеся ранее неправильно киргизами, обрели свое истинное этническое имя, с несколько измененным произношением и написанием, т. е. казаки стали называться казахами, а слово казаки стало применяться лишь как название особой группы приграничного славянского населения в Центральной Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. Практическое совпадение значений этнического названия казахи и регионального наименования первоначально беглых славян — казаки представляется нам отражением вполне реального положения периферийных географических мест этих двух групп населения, одинаково отдаленных от тех, весьма различных по этническому составу и происхождению групп стран и народов, которые изначально включали тех и других. Периферийность (вфронтирность) положения казаков и казахов не могла не влиять, на особенности их восприятия своего места сре-

ди других народов, т. е. — на особенности национального самосознания, в определенной мере сближая эти представления.

Волею судеб именно казаки и казахи стали теми группами населения будущего Российского Туркестана, которые первыми вступили в контакт в процессе первоначально стихийного продвижения казаков на территории казахских кочевок еще в 18 веке. Длительное (иногда конфликтное) сосуществование казаков и казахов не могло не повлиять на формирование их видентичностис в колониальный период. С развитием российской колонизации Казахстана и Средней Азии в 19 веке относительная воднородностьс вольного казакского населения стала сильно меняться в связи с политикой целенаправленного переселения сибирских казаков и крестьян из центральных областей России в Центральную Азию. Американский путешественник и журналист Евгений Шилер, побывавший в этих краях в 1875—1876 гг., следующим образом описывает особенности российской колонизации казахских и киргизских земель.

Российские колонии в наибольшей степени располагаются вдоль северного отрога Александровских гор [северная часть Тянь-Шаня — *А. В.*], в окрестностях Токмака, на северном и восточном берегах озера Иссык-Куль, вдоль шоссейной дороги, ведущей из Верного в Сергиополь. Сырдарьинская и Зеравшанская провинции еще не открыты для колонизации, главным образом потому, что там еще не были урегулированы вопросы землевладения. По пути я проезжал через многие из этих колоний, останавливаясь в некоторых из них и вступая в разговоры с фермерами, которые в больше части были крестьяне из Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерний. Они казались вполне довольными своей судьбой; и действительно, что касается по крайней мере их физического благополучия и избавления от налогов, они стали значительно более зажиточными, чем были в Европейской России. Земли им распределялись либо бесплатно, либо по низкой цене и с большой рассрочкой платежей, и они освобождены от всех налогов и поборов на ряд лет. Они предприняли переселение на собственный риск, обычно используя собственных лошадей или быков. Плодородие почвы и личная независимость, возможная на этом удаленном приграничье, все более и более привлекают иммигрантов, и в прошедшие два или три года численность колонистов значительно возросла... Важно различать русские колонии и казацкие поселения. Первое было добровольным, но последнее — принудительным [здесь американский путешественник имеет ввиду поселения казаков, непосредственно вслед за завоеванием центральноазиатских владений, а не стихийную колонизацию 18 века — *А. П.*]. Как только этот район был аннексирован [власти] посчитали необходимым усечь его казацкими станицами, для того чтобы создать население способное обрабатывать землю и, в тоже время, имеющее силы охранять ее от киргизов и кокандцев. Для того, чтобы

обеспечить эту потребность, были выделены по определенной квоте казаки из Уральского, Оренбургского и Сибирского войска, из которых была сформирована новая линия вдоль Иртыша, часть которой впоследствии стала известна как Семипалатинские казаки. В добавок к этим внастоящимс казакам, из различных мест России были мобилизованы и посланы на фронт крестьяне, которым были выданы строительный и сельскохозяйственный инвентарь для постройки домов и обработки земель, их снабдили также оружием и сказали, что они находятся на правительственной службе и должны считать себя казаками. Такие новобранцы составляют большинство Семиреченского казачьего войска. Не имея тех традиций, которыми гордятся донские и уральские казаки, они не обладают также подобным боевым духом и с трудом поддерживают свою организацию; фактически сибирские казаки рассматриваются как наихудшие из казацких войск на службе в Центральной Азии. Проезжая их поселения было заметно, что они казались значительно менее независимыми, чем обыкновенные русские крестьяне и что они ведут более праздную и бесполезную жизнь, предаваясь либо охоте, либо удовольствиям трактиров, в то время как их жены должны были заботиться о семейном достоянии. С другой стороны, они умудрились сохранить свойственный им вшикс, который иногда проявляется в курьезных формах. Например, вдоль всего Иртыша казаки казалось считали, что очень достойная вещь говорить по-татарски, таким же образом, как представители благородного общества в Санкт-Петербурге и Москве на публике предпочитают говорить по-французски. Поэтому иногда было занятно слушать, как они отвечали на наши вопросы на хорошем русском языке, а затем начинали беседовать друг с другом по-татарски. Представляется, что отмеченное американским путешественником умение и желание казаков говорить по-татарски свидетельствует о их долгой фронтальной жизни и значительном изменении в национальном самосознании этих солдат-хлебопашцев, глубоко включенных в языковую среду окружающих их таких же как татары тюркоязычных народов и представляющих эту среду вполне естественной.

Следует заметить, что, скорее всего, Евгений Шилер в случае со свободно говорящими по-татарски казаками встретил не недавних переселенцев из Сибири, а потомков тех сибирских казаков, которые осуществляли стихийную колонизацию казахских земель еще в 18 веке. Наши архивные исследования показывают, что изменения в видентичности были обоюдными, причем процессы христианизации отнюдь не играли в них той значительной роли, которую им склонны придавать некоторые современные исследователи

(в частности Н.В. Раксоу в его безусловно выдающемся исследовании, сопровождающем научную публикацию памятника тюркского эпоса Алпамыш). Следует заметить, что

влияние ислама, перед приходом русских было весьма различным среди разных народов Центральной Азии: оно было большим среди оседлых земледельцев (узбеков и туркменов), чем среди кочевников-животноводов (казахов, киргизов и части таджиков). Говоря о миссионерской деятельности, следует иметь ввиду, что по крайней мере до начала XX века, по существовавшим тогда строгим правилам Синода русской православной церкви, миссионерам запрещалось проводить христианизацию среди населения, считавшегося исповедующим христианство в любой форме, ислам, буддизм или иудаизм, т. е. — одну из мировых религий. В их задачи входила борьба со староверами и обращение в христианство язычников (главным образом племен Сибири и Алтая). Для укрепления своей власти в Туркестане русские использовали ту религию, которую считали господствующей в Центральной Азии, т. е. — ислам. Причем активные меры колониального начальства по введению во всех частях своих новых владений единообразного мусульманства путем насаждения повсеместно медресе и мечетей под началом проповедников и учителей из Казани, привело к значительному усилению ислама среди тех народов (главным образом казахов и киргизов), где он до того исповедовался весьма условно и поверхностно. Этот факт весьма обеспокоил российские власти в Туркестане в начале XX века, когда, по свидетельству обнаруженного нами в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) секретного циркуляра Синода (1909 года), в Казахстан и Среднюю Азию стали активно проникать мусульманские проповедники с Ближнего Востока, несущие с собой идеи панисламизма, несомненно предостерегающие результаты власти России в Туркестане. Усиление мусульманства в Центральной Азии безусловно явилось усилением исламской компоненты в национальном самосознании народов Центральной Азии. Для российских колоний здесь такое развитие событий представлялось опасным не только из-за общего усиления панисламизма, но и по вполне очевидной региональной угрозе, возникавшей в связи с тем, что после установления государственной границы с Китаем (в 1865–1884 гг.) пограничная провинция Цинской империи Синьцзян, населенная этнически близкими туркестанским народами, исповедовавшими ислам, была постоянной угрозой в связи с многочисленными восстаниями этих народов, принимавшими всегда форму национально-религиозных движений. В результате подавления этих восстаний маньчжурами, в Туркестан поступало большое количество беженцев, которые, как не без основания полагали туркестанские власти, способны были еще более усилить воинствующий ислам в российских владениях. Пришлое население из Синьцзяна (таранчи, дунгане и др.) бесспорно влияло на формирование идентичности народов российского туркестанского порубежья, которое превратилось в исключительно многонациональный регион с весьма пестрыми культурно-историческими традициями.

С самого начала расширения российских колониальных владений в Центральной Азии, перед руководством новых обширных колоний встал вопрос о наиболее разумном характере управления покоренными народами. Следует заметить, что сами военачальники, осуществлявшие (часто для воплощения в жизнь своих честолюбивых планов) завоевание, следовали при установлении местной администрации давним традициям русского колониализма, основой которых было сохранение в более или менее неизменном виде существовавших на присоединенных землях местных властей, форм управления и религий. В Центральной Азии, при формировании новой линии для заполнения разрыва в системе обороны между Фортom Перовского и Верным, полковник, а впоследствии генерал Черняев впервые применил эти традиции и проявив значительный здравый смысл, управлял вновь присоединенной территорией с насколько возможно небольшими изменениями местных обычаев и закона, посредством официальных представителей местного населения. Российское центральное руководство, со своей стороны, создало специальную комиссию состоящую из товарища министра финансов А.К. Гирса (1815–1880) и полковников Дандевилля, Гейнса и Проценко для того, чтобы изучить особенности и потребности резко различавшегося по обычаям сельского кочевого и городского оседлого населения недавно присоединенных территорий. Члены этой комиссии в течение двух лет путешествовали по стране и выявляли желания и интересы населения. Эта комиссия, получившая известность под названием Степной комиссии, провела весьма полезную работу и к весне 1867 года подготовила доклад о своей работе и проект усовершенствования управления новыми колониями, который был представлен на обсуждение комитета, включавшего представителей военного министерства, министерства внутренних дел и министерства иностранных дел под председательством военного министра. Комитет принял проект Степной комиссии с небольшими изменениями и решением о проведении его в жизнь в течение трех лет; в действительности основные положения этого проекта с некоторыми изменениями и дополнениями действовали вплоть до 1917 года. Наиболее важным из изменений, внесенных комитетом, было отделение Туркестана от провинции, управлявшейся генерал-губернатором Оренбурга и прибавление к ней части Сибирской провинции Семипалатинска, известной под названием Семиречье, и установление в этом новом административном районе управления генерал-губернатора, подчиненного непосредственно императору.

Основные положения этого проекта заключались в следующем. Генерал-губернатор Туркестана назначался непосредственно императором и обладал в основном теми же полномочиями, которыми обладали генерал-губернаторы в других частях империи, с теми исключениями (усиливавшими власть этого высшего регионального администратора),

которые были специально оговорены в проекте. Помимо этих исключений, в случае необходимости он имел право вообще на время прекращать действие основных положений по администрации края, или делать из них исключения. В тоже время он являлся главнокомандующим войсками края и обладал полными полномочиями для ведения официальных дипломатических сношений с соседними странами. Под его началом находилось две области Сыр-дарьинская и Семиреченская, управлявшиеся военными губернаторами, назначавшимися по представлению Военного министерства и имевшими в целом те же права и обязанности, что и губернаторы в других частях империи. Военный губернатор Семиречья одновременно являлся Атаманом Семиреченского казачьего войска. В вопросах администрации военным губернаторам помогали Областные Правления, состав которых формировался самими губернаторами.

Следует заметить, что в процессе деятельности Степной комиссии, местные православные власти попытались усилить миссионерскую деятельность среди центральноазиатских народов и, особенно среди тех многочисленных мусульман, которые в период дунганского восстания перебрались в российские пределы. В 1865–1867 годах Томский епископат активно переписывался с Синодом Русской Православной церкви по этому поводу. В частности, 9 октября 1867 года епископ Томский и Семипалатинский Алексей писал следующее: “Из числа бумаг, оставшихся после кончины предместника моего поступило ко мне в минувшем Августе месяце отношение от 25 июля 1865 года за э 20-м Господина Председателя Комиссии, командированной по Высочайшему Повелению для изучения начал будущего устройства управления Киргизскими степями. Комиссия сия между прочим обязана была обратить особое внимание и на меры, долженствующие приостановить дальнейшее усиление Ислама и усилить распространение христианской веры в той стране, не возбуждая тем волнения и неудовольствия в мусульманском населении. Меры эти, однако, приняты не были, главным образом потому, что при учреждении в Томской Епархии Алтайской церковной миссии для обращение в христианство инородцев Бийского округа, изъявлено было от Генерал Губернатора Западной Сибири Вельяминова несогласие на проповедание Евангелия между киргизами [казахами] обитающими в степи. В настоящее время, вопреки мнению Генерал Губернатора Вельяминова, я нахожу тем более возможным и благотворным делом отправить в киргизские степи Семипалатинской области миссионеров для обращения мусульман в христианство, что в прошедшем году несколько тысяч их изъявили желание креститься, как лично объявил мне в бытность мою в Семипалатинске губернатор сей области Генерал Майор Колпаковский”.

Конечно сообщение Колпаковского о желании нескольких тысяч казахов быть обращенными в христианскую веру является наверняка сильным преувеличением, однако

желание некоторой части дунганей и таранчей, перебравшихся из Синьцзяна, быть крещеными для того, чтобы избежать будущей депортации в Китай вполне реально и объяснимо. Прямым свидетельством такой мотивации является сообщение генерала Хрущева о том, что несколько тысяч инородцев Семипалатинской области, пожелавшие принять Православие, принадлежали к китайским эмигрантам, перешедшими в наши пределы во время Дунганского восстания. Как бы то ни было, ходатайство епископа было удовлетворено, и Священный Синод разрешил учредить в крае миссионерский стан во главе со Стефаном Ландышевым, под началом которого находилось два священника со знанием местных языков.

Миссия эта, однако, не была установлена из-за отсутствия средств, но, как сообщает сам епископ: “Вследствие сего, не рассчитывая на скорое открытие миссии в степях киргизских,... я предписал священникам, живущим на границе китайской, заботиться о присоединении к Православной Церкви и крещении калмыков и киргиз, не ожидая особого моего на то разрешения, испрошение коего, по дальности расстояния от Томска мест пребывания населения и священников могло бы только повредить делу; между тем счел нужным и сам видеть пограничные с Китаем места для чего, обозрев сперва Барнаульский и Кузнецкий округа, на расстоянии 1056 верст, я отправился в укрепление Верное, отстоящее на 2000 верст от Томска. На пути к сему укреплению пред городом Копалом я встретил тысячи калмыков, возвращающихся по распоряжению китайского и нашего правительства в разоренный Чугучак и другие прежние места их обитания. Предполагая, что наступающая стужа, по крайней нищете и совершенной нагоде многих эмигрантов, заставит их остаться на зиму в пределах России, я лично приказал Благочинному Урфиарской станицы и Священнику города Сергиополя располагать китайцев к принятию Христианской веры, а замечая усиливающуюся пропаганду мусульманских мулл, священнику Лепсинской станицы, в коей поместилась большая часть эмигрантов, изъявивших желание остаться в пределах России и принять Христианство, лично также подтвердил без замедления учить таковых истинам веры и крестить. Благодарение Богу труды мои и сотрудников моих не остались без успеха: священник Лепсинской станицы Иоанн Покровский, знакомый немного с языком татарским, на коем говорят киргизы и калмыки, обратил в христианство 50 лиц мужского и 35 женского пола, а на возвратном пути из Верного в Копал, 14 лиц мужского и 3 женского крещены мною и бывшим при мне духовенством; всего же просвещено Св. Крещением 102 человека...” В общей сложности, к концу 1868 года было обращено в христианство 328 человек, т. е. весьма скромное количество, по сравнению с теми тысячами, которые якобы желали креститься.

На этом эксперименте местного колониального начальства с обращением мусульман в христианство не закончились и, по настоянию Колпаковского, в станице Лепсинской, Токмаке и укреплении Аксуйском были образованы небольшие миссионерские школы для совместного обучения местных жителей и русских. В качестве учителей в эти школы назначены студент Духовной Академии Петр Макушин и студент Семинарии Анемпофист Заводовский, причем протоиерею Ландышеву поручено непосредственно заниматься миссионерской деятельностью. После заключения в 1881 году Санкт-Петербургского договора России с Китаем, по которому, в частности, Китайской Империи передавался временно оккупированный Россией Илийский край, вопрос с беженцами, не желавшими возвращения в Синьцзян, приобрел особую остроту, что позволило местным российским церковным властям снова поставить вопрос об усилении миссионерской деятельности среди беженцев и других местных жителей — мусульман и ламаистов. Позиция и предложения по этому вопросу иерархов русской православной церкви в Туркестане очень хорошо видны из следующего письма епископа Александра на имя генерал-губернатора Туркестана, генерал-лейтенанта Герасима Алексеевича Колпаковского:

26 октября 1881 года,

г. Верный.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь! Пользуясь снисходительным позволением Вашего Высокопревосходительства, — для лучшего направления дела, предпринимаемого на пользу церкви, в частных письмах подкрепляя его такими доводами, которые не всегда удобно могут быть помещаемы на листах официальной бумаги, — беру смелость в настоящий раз, во 1-х, покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство о том, чтобы ходатайство мое пред Святейшим Синодом об учреждении на Иссык-Куле миссионерского монастыря, единовременно с этим письмом посылаемое, получило санкцию Священного Собора Иерархов, хотя бы только покамест в принципе, но по-возможности скорую в тех видах, чтобы не потерять нам навсегда единственно во всем крае пригодное для монастыря место, усмотренное мною на Северном берегу Иссык-Куля, в урочище Курмакты. Когда недавно, в конце истекшего лета, Господин И. д. Начальника Края великодушно и искренно выражал готовность всеми от него зависившими мерами содействовать устройству и обеспечению проектируемого мною миссионерского монастыря, успокоительные сведения из Кульджи позволяли надеяться, что выселение в наши пределы Дунган и Таранчинцев ограничится несколькими сотнями семейств. В последнее же время, по мере приближения к нашим границам Китайского Принца крови, назначенного богдыханским правительством для приема Кульджинского района, паника между дунганями и таранчин-

цами до того увеличилась, что они почти поголовно спешат записаться в переселенческие списки. В начале самой ранней весны будущего года, побережья р. Или и Иссыккульского озера, как ближайшие к китайской границе, имеют быть отмежеваны этим выходцам. Крайне необходимо поэтому, чтобы до наступления этого времени об урочище Курмакты, испрашиваемом под проектируемый миссионерский монастырь, возникла по крайней мере официальная переписка; в противном случае спасти эту прекрасную местность от захвата и избавить ее от слишком близкого соседства с воинственным пришельцами будет весьма трудно даже для самой администрации Края.

Вторая моя просьба касается самого существа задумываемого на Иссык-Куле учреждения. В виду настоятельнейших нужд епархии и края, предполагаемый миссионерский монастырь должен выполнять две следующие задачи: а) иметь в своих стенах, по меньшей мере двух-трех лиц священного сана, всегда готовых и способных выполнять обязанности приходского священника и законоучителя школы и, б) чрез собственно так называемых миссионеров, вооруженных знанием, постепенно сближать инородческое население с русскою народностью, подготавливая оное, таким образом, к принятию Христианства. Для выполнения первой задачи готовятся иеромонахи, окончившие курс в Семинарии; для успешного же направления и решения второй — необходимы люди с академическим образованием. Не нахожу в себе достаточной смелости для того, чтобы решительно утверждать пред Вашим Высокопревосходительством — которая из этих задач настоятельнее и важнее? Насколько, с одной стороны, кажется мне опасным — особенно в настоящее смутное время, — оставлять некоторую часть русского населения, на более или менее продолжительное время, без пастырского руководства и надзора; настолько, с другой стороны, видится мне обязательно ясно, что с каждым днем и часом мы теряем благоприятный момент для благотворного воздействия на инородческие массы, еще не охладевшие в своем к нам расположении и доверии. В этих мыслях утверждают меня свежие факты из недавно оконченной поездки по епархии, предпринятой с целью обозрения церквей и приходов Ферганской области и Заравшанского края. Одновременно вспоминаются мне две картины, далеко различествующие между собою по характеру и колориту, но сходные в том, что, в свое время, в одинаковой мере будили в душе моей горькое чувство сознания бессилия и беспомощности. С одной стороны, православные жители, не одних только глухих поселков, но и уездных городов, удаленные от приходской церкви и священника на сотни верст, со слезами на глазах заявляющие: вумираем без покаяния; новорожденные нами по году остаются некрещенными; покойничков хороним сами, без славы; дети наши вырастают не имея понятия о том, что такое Храм Божий и проч. с — с другой стороны коренные жители Ферганы и Зеравшана, по одному слуху о приезде русского епископа, в

шелковых халатах и пышных чалмах спешащие к нему навстречу, приветствующие его сочувственными умными речами, в каждом кишлаке подносящие ему хлеб-соль, устраивающие иллюминацию в честь его прибытия и всем этим как бы говорящие: останься с нами, научи нас служить верой и правдой Белому Царю, угождать властям, жить между собою в ладах, и проч., и проч.,... Кому отдать предпочтение? К кому прежде поспешить на помощь? Чьи нужды настоятельнее и неотложнее? — Думается мне, что миссионерский монастырь, устроенный по вышеизложенной мною мысли, мог бы удовлетворить хотя бы в некоторой степени, тех и других. — Посему покорнейше прошу позволения Вашего Высокопревосходительства, — в том случае, если Святейшему Синоду благоугодно будет благославить учреждение на Иссык-Куле миссионерского монастыря, — проектированный личный состав миссии таким образом: Начальник миссии и его помощник — с академическим образованием, три иеромонаха из окончивших курс семинарии.

Что же касается эконома, ризничаго и иерадьякона, то они могут быть и не из ученых.

В надежде на милостивое содействие предпринимаемому делу, смею честь пребывать

Вашего Высокопревосходительства, Милостивейшего Государя,
покорнейший слуга и усердный богомолец,

Епископ Александр.

26 Октября 1881 года. г. Верный.

Предложения епископа Туркестана было в целом одобрено Священным Синодом, но его воплощение в жизнь сильно замедленно отрицательным отношением Миссионерского общества, которое строго придерживалось официальной линии поддержки государством существовавших в Туркестане религий: ислама и ламаизма (буддизма). Однако, несмотря на противодействие Миссионерского общества, Иссыккульский Троицкий миссионерский мужской монастырь Пржевальского уезда Семиречеснской области все-таки был открыт и вполне успешно функционировал вплоть до Октябрьской революции. Как нередко бывало и ранее в России и ее колониях, принятый четкий порядок администрации, на деле искажался и значительно усложнялся деятельностью коррумпированных чиновников и непониманием местным населением новых административных институтов, особенно тех из них, которые, как например выборы представителей местной администрации, отсутствовали в национальных традициях управления народов Центральной Азии. В этом отношении весьма убедительны суждения американского путешественника Евгения Шуйлера, который, в частности, подчеркивает следующее:... Безотносительно от того, какие инсти-

туты русские могут ввести в Центральной Азии, было бы безнадежно ожидать чего либо подобного хорошему управлению, пока либо не изменится тип чиновников, либо они не будут подчинены строгой дисциплине и контролю. Представляется, что для русского администратора невозможно понять такую вещь как законность. Они очень строги в соблюдении форм закона в той их части, которая относится к правилам делопроизводства, заполнения и официального заверения соответствующими подписями документов, но нарушают эти формы сразу же, как только им это покажется более простым и удобным для них самих. Я имею ввиду не только чиновников в Туркестане; многие государственные деятели и политики в Европейской России уделяют большое внимание вопросу о том как добиться того, чтобы администрация действовала в строгих рамках законности. Кажется, что основным принципом утвердившимся в их чиновничьих сердцах, является убеждение, что закон и уважение к закону очень хорошие вещи в обычной повседневной жизни, но как только появляется обстоятельство, которое по мнению чиновника является исключительным, закон для него становится непрактичным, и в этом случае следует применить то, что он называет административным методом. Для тех, кто был воспитан на уважении к закону, эти постоянные выходы за рамки и нарушения законности, представляются едва ли понятными. На центральноазиата, которые конечно не имеет представления о том, что такое российский закон и каким образом он нарушается, произвол чиновника оказывает и подобный, и, в тоже время отличающийся эффект. Этот произвол и административные методы редко одинаковы в двух соседних районах, и местные жители не могут не рассматривать все систему как безответственную тиранию наихудшего сорта.

Что касается личного отношения русских к представителям завоеванных ими народов Центральной Азии, следующие наблюдения того же американского путешественника представляются весьма показательными: Русские всегда проявляли определенные способности в обращении с полудивилизованными народами. Они лично никогда не относились к туземцам с тем презрением, которое характерно в отношениях представителей англосаксонской расы с народами низшей культуры и цивилизации. Это совершенно очевидно из того, что они [русские] без колебаний вступают в социальные отношения с ними. Отсутствует то ощущение громадной разницы, которое разделяет, или которое, по мнению некоторых, должно разделять низшую от высшей, или правящей расы, так, что русские офицеры и чиновники не только принимают туземцев в своих домах, но, в действительности встречают их и обращаются с ними, как с равными по социальному положению. Не исключено, что в некоторых случаях это может принижать авторитет российских официальных властей, так как я иногда видел, что туземцы проявляли меньше уважения в отношении русских офицеров в своих дела с ними, чем было бы дозволено при общении рус-

ских равного социального статуса. В действительности можно сказать, что представители коренного населения относятся к русским более отчужденно, нежели русские к ним, что объясняется частично скорее религиозным, нежели расовым антагонизмом.... В городах русские предприняли [активные] меры санитарии, построили больницы, а во время эпидемии холеры, хорошо организованные меры массового лечения и изоляции больных привели к великолепным результатам в предотвращении дальнейшего распространения заболевания. Все это местные жители стали [по достоинству] оценивать... Что же касается религии, поведение русских достойно самой высшей похвалы. Никаких ограничений не было наложено на мусульманскую веру и практику, за исключением того, что дервишам было запрещено появляться на улицах, так как они считались возмутителями общественного спокойствия. Не было предпринято никаких попыток к распространению христианства; и, хотя в Ташкенте и в различных гарнизонах действуют церкви, а в крае имеется епископ, генерал Кауфман быстро покончил со всеми миссионерскими проектами. Здесь, как видно из материалов приведенных, выше американский путешественник прав лишь в той части, которая касалась официального отношения высших властей к миссионерству.

Действительно, присоединение к Российской империи исламских государств Центральной Азии и установление в них нового порядка в той форме, как он понимался российскими властями, требовало от верховного руководства империи и русской православной церкви формирования разумной политики управления странами с давними и весьма отличными от российских культурными и религиозными традициями. Характер этой политики и ее последствия весьма объективно и четко описаны в специальном секретном циркуляре О магометанстве в Киргизской степи и об управлении духовными делами киргизов, который был направлен высшим чинам Правительствующего Синода (всего восемь экземпляров) Военным министерством в 1865 году, вместе с предложениями О распространении христианства в Киргизских степях.

Заключая предварительный вариант нашего эссе, посвященного изменениям национального самосознания (идентичности) русских и тех народов с которыми они вступили в контакт и сосуществование в процессе формирования российского центральноазиатского фронта, можно сделать следующие не претендующие на окончательность выводы проведенного исследования.

1. В процессе сначала стихийного, а затем и планомерного расширения российских колониальных владений в Сибири и Центральной Азии стал формироваться особый слой славянского населения приграничья, подавляющее большинство которого первоначально составляли казаки. Характерной особенностью существования этого слоя русских людей являлась, с одной стороны, их включенность в окружающую иноэтническую сре-

ду и с другой — относительная оторванность от районов формирования и традиционного расселения русского этноса. Оба указанных фактора способствовали сближению казаков с таким же изначально фронтирным народом как казахи и с другими народами Центральной Азии. Степень сближения была настолько тесной, что для некоторых их групп казаков местные (тюркоязычные) языки стоали языками межнационального общения.

2. Процесс изменения национального самосознания изначально русского населения, участвовавшего в торговле с центральноазиатскими государствами, в исследовательских и колониальных походах в этих регионах, осложнялся тем, что многие из российских купцов и солдат попадали в длительный плен к мусульманским правителям, особенно Бухары и Хивы. Проведя долгие годы в этих ханатах, русские пленники часто становились солдатами в армиях соответствующих правителей, принимали ислам, женились на представительницах прекрасного пола этих государств и, таким образом, воспринимали многие черты национального самосознания и культуры центральноазиатских народов. После освобождения из плена эти представители изначально русского этноса, как правило возвращались к православию, но знание местных языков, культуры и обычаев народов Центральной Азии создавало в этом, достаточно многочисленном слое русских людей благодатную почву для интеграции в весьма многонациональную и мультикультурную среду региона, облегчая, в известной мере процесс его интеграции в многонациональную Российскую империю.

3. Несмотря на официальную политику российских властей в отношении органичения православной миссионерской деятельности среди населения, нехристианских конфессий, некоторые особенности развития русского центральноазиатского приграничья приводили к тому, что часть мусульманского и буддийского населения (особенно Кульджинского района Синьцзяна в период антикитайского восстания 1865-1876 гг. и последующей передачи края Китаю по условиям Санкт-Петербургского договора 1881 года) добровольно принимали православное христианство, в известной мере исключая себя таким образом из бывшего этнического сообщества и пополняя ряды, если можно так выразиться, смешанной идентичностью, также способствовавшей процессу формирования фронтирного населения, сочетающего в себе черты культур и национального самосознания весьма сложного конгломерата народов Российского Центральноазиатского Приграничья.